

РЭНД НЕ ПРОСТО ИМЕЛА ДЕРЗОСТЬ ОБЪЯВИТЬ НЕОГРАНИЧЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ ИДЕАЛОМ РАЗУМА (И СВОБОДЫ, НО СУМЕЛА ПРЕДСТАВИТЬ И ДОЛЛАР, И ТОРГОВЦА КАК НЕЧТО СТРАДАЮЩЕЕ И ПОРУГАННОЕ)

Настоящее имя Айн Рэнд — Алиса Розенбаум. Она родилась в Петербурге в 1905 году, в семье преуспевающего фармацевта; после революции Алиса училась в университете, откуда была «вычищена за буржуазное происхождение», и в Государственном техникуме киноискусства — и ходила в кино на голливудские фильмы, в которых сильнее, чем любой актер, ее восхищал силуэт Манхэттена — «разум и мораль, воплощенные в стали и бетоне». В 1926-м она сумела уехать из СССР в Чикаго к родственникам, а оттуда — в Голливуд. Здесь она становится Айн Рэнд — имя было придумано по образцу псевдонимов ее любимых кинозвезд. Явившись в Голливуд, она начала статисткой (и сразу же, в первом своем фильме «Царь царей», убедила режиссера перевести ее из группы нищих в группу аристократов), но быстро стала сценаристкой. О своем советском опыте она написала роман «Мы, живые» (1936), в котором девушка Кира любит рокового лишенца и ради него спит с роковым же чекистом, мечтает бежать из «проклятой страны» и гибнет, застреленная советским пограничником. В книге слышен голос поклонницы Ницше и Зинаиды Гиппиус: Рэнд упрекала советскую власть не за то, что та кровавая, а за то, что серая, не за то, что тра убивает, а за то, что «запрещает живым жить». (Книга тривиальная и слабая, но

мало где еще так наглядно описана изнурительная, безысходная жизнь лишенцев в 1920-е годы.)

В США роман не имел успеха, но был экранизирован в 1942-м в муссолиниевской Италии. Не имела успеха и ее вторая книга — повесть «Гимн», антиутопия в духе замиятинских «Мы», изображавшая коллективистский ад, в котором люди не знают слова «я» и каждый говорит о себе «мы», пока главный герой заново не открывает «великое слово EGO». Мир чужого — советского или вымышленного — коллективизма американцам оказался неинтересен.

Успех пришел к Рэнд, когда она написала роман «Источник» (1943) о том, что и современная Америка все ближе к коллективистскому аду: героические творцы страдают, а паразитирующие на них слабаки торжествуют. Из своего советского опыта Рэнд вынесла не только ненависть ко всем формам коллективизма, но и советскую по сути веру в то, что общество делится на производительный класс и паразитов. Рэнд просто поменяла ярлыки местами и назвала двигателем мира не рабочих, а творцов-предпринимателей, а паразитами — всех остальных. Главный герой романа, архитектор Говард Рорк, бескомпромиссно защищает свои идеи от всех паразитов — заказчиков, чиновников, газетчиков; когда его проект ищакуют при строительстве, он взрыва-

ет здание. Если в первых двух романах Рэнд пыталась написать книгу «как положено», то в «Источнике» она смело отбросила литературные правила и сочинила что-то вроде смеси комикса и памфлета — сама она эту смесь называла «новаторская мысль в новаторской форме». Критика у книги была уничтожительная, но читатели ее раскупили в поразивших издателей количествах.

Многие читатели почувствовали, что за романом стоит какая-то цельная — и крайне необходимая им — философия, и умоляли Рэнд ее изложить. Вокруг Рэнд образовался кружок поклонников, строгостью порядков напоминавший секту. Этому кружку Рэнд и зачитывала черновики романа «Атлант расправляет плечи», в котором изложила в «новаторской форме» свое «новаторское учение» — «объективизм», по формулировке самой Рэнд сводящееся к тому, что «человек — это героическое существо, нравственно оправданной целью жизни которого является собственное счастье, самой благородной деятельностью — созидательный труд, а бесспорным абсолют — разум». Этическим выводом из этого учения оказывается клятва, которую приносят положительные герои романа: «Клянусь своей жизнью и любовью к ней, что никогда не буду жить для кого-то другого и не попрошу кого-то другого жить для меня». Следуя

этому принципу, доведенные до отчаяния притязаниями паразитов творцы, то есть предприниматели и изобретатели, объявляют забастовку — и без них Америка погружается в хаос. В финале главные герои, гений Джон Голт и красавица-бизнесмен Дагни Таггерт, стоят на горе и видят «лежащий в руинах континент: дома без крыш, ржавеющие трактора, темные улицы, заброшенные рельсы. — «Путь расчищен, — сказал Голт. — Мы возвращаемся в мир». Он поднял руку и начертил в пространстве над разоренной землей символ доллара».

Неудивительно, что большинство рецензентов написали, что роман «глупый», «построен на ненависти» и что с каждой его страницы слышен приказ «Паразиты, марш в газовую камеру!» Но Рэнд не просто имела дерзость объявить неограниченный капитализм воплощенным идеалом разума и свободы, но — и это главная причина ее воздействия на юные американские умы — она сумела представить и доллар, и торговца, и капитализм как нечто гонимое, страдающее и поруганное. Она не побоялась и саму себя превратить в живой символ своей веры — когда «Атлант» сделал ее известной, она появилась на людях в черной пелерине с вышитым знаком доллара. Венок в форме знака доллара был выставлен и в похоронном зале рядом с ее гробом в 1982 году.